

Одним из основных атрибутов шамана является его головной убор. Иногда его называют шаманским венцом или короной. Исследователям известно большое число таких головных уборов. Но, пожалуй, самыми яркими по исполнению образцами изделий этого типа следует признать известные корейские золотые короны из курганов V - VI вв. Они считаются коронами правителей государства Силла. В музейных коллекциях и среди материалов научных раскопок имеется также много древних венцов, выполненных из железа. Многочисленные аналоги в этнографических материалах не только с территории Кореи, но также из Сибири однозначно определяются как принадлежность шаманского костюма. Использование золота при изготовлении силласких уборов безусловно свидетельствует о высоком общественном и сакральном статусе погребенных. Это вполне соотносится с данными о том, что древние корейские правители исполняли шаманские функции.

Прекрасная сохранность некоторых корон эпохи Силла (например, из гробницы Чхонмачхон) позволяет использовать их для реконструкции ранних шаманских представлений об окружающем мире. Базой для такой работы являются работы российских учёных, в которых исчерпывающе показана связь конструкции сибирских, дальневосточных и североамериканских шаманских головных уборов с идеей мирового дерева (Алексеев Н.А., Басилов В.Н., Прокофьева Е.Д. и др.).

Древнекорейские короны выделяются среди изделий этого типа не только использованием драгоценного металла, но и тем, что на обруче и на "ветвях" они имеют оригинальные подвески. Это не только обычные металлические изображения листьев, но и изделия из нефрита или других полудрагоценных камней, известные в русской литературе под их японским наименованием - *магатама* (корейский эквивалент этого термина - *гокок*). Семантика и назначение этих предметов, известных начиная с неолитического времени в культурах Дальнего Востока, оставались не вполне ясны археологам. Выдвинутая ранее гипотеза (Алкин С.В. Энтомологическая идентификация хуншаньских нефритов (постановка проблемы) // III годовая итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН, ноябрь 1995 г. Новосибирск, 1995- С. 14-16.) позволяет, как кажется, решить эту проблему.

Наиболее ранние формы *гокок* из памятников культуры хуншань середины III тысячелетия до н.э. на территории юго-восточной Маньчжурии удалось определить как нефритовые изображения личинок некоторых насекомых. Находки в погребениях хуншань позволили предположить сакральный статус этих изделий и связь их с представлениями древних о мире. То, что позднее подобные предметы в своем более

стилизованном виде получили распространение на широкой территории, включая Корею и Японию, свидетельствует о том, что идея, символом которой они являлись, обладала чрезвычайной популярностью и живучестью.

Короны силласких шаманов, на мой взгляд, являются изображениями родового (мирового дерева), на ветвях которого находятся души в виде зародышей, символическим изображением которых являются подвески *гокок*. Для изготовления подвесок этой оригинальной формы обычно использовались те сорта нефрита и яшмы, которые своей фактурой и цветом являются весьма близкой имитацией облика насекомого в его личиночной стадии развития. Внешнее сходство эмбрионов млекопитающих (включая человека) и С-образных личинок некоторых насекомых могло по принципу внешней аналогии способствовать возникновению своеобразного культа. К сожалению, этнографы традиционно почти не обращают внимания на энтомологические аспекты изучаемых ими культур. Связано это, правда, в том числе с тем, что во многих культурах уже ничего не осталось от этого весьма архаичного пласта их мифологии. О чрезвычайной древности этих представлений говорит распространение реминисценций их в различных этнических культурах на обширной территории от Алтая до побережья Тихого океана.

Изучение археологических, фольклорных и мифологических материалов показывает, что семантическая цепочка **личинка - зародыш - душа** не может являться достоянием какой-то одной культуры. Она из ряда ахетипических представлений. И, если в европейской культуре, как можно предположить, она нашла свое выражение в особом отношении прежде всего к бобам (например, в представлениях пифагорейцев), то в восточной Азии можно говорить именно о личинках насекомых. Дело не только во внешнем сходстве. Исключительно важен и примечателен сам подход к воплощению идеи рождения через изображение личинки. Человек с самых ранних времен был тесно связан с миром насекомых. Связь эта имела не только малопривлекательный санитарно-гигиенический оттенок. Насекомые - особенно их личинки - были (и, кстати, остаются) естественным резервом широкого спектра питательных веществ в периоды сезонных проблем с полноценным питанием. Не случайно, что именно такой период получил в восточноазиатских календарных системах наименование - "пробуждение насекомых". Известно, как велика роль препаратов из насекомых в традиционной восточной медицине (Конрад Н.И., Вогралик В.Г., Вязьменская Э.С.). Постоянный контакт с миром насекомых давал возможность наблюдений за циклами их превращений. Насекомые в процессе своего метаморфоза проходят ряд последовательных изменений от одной формы к другой с полным уничтожением предшествующей. Этот опыт мог в дальнейшем отразиться на собственных представлениях древнего человека о мире, рождении и смерти со следующим за ней возрождением в новом облике и качестве. Драматический процесс превращения личинки во взрослое насекомое привлекал внимание человека и способствовал рождению соответствующих ассоциаций. Знакомо это и даже далёкму от энтомологии

современному человеку. Весьма примечательно, что некоторые зафиксированные фольклористами легенды о возникновении мира и появлении человека являются не чем иным, как последовательным мифологизированным описанием заимствованной из мира насекомых картины метаморфоза насекомых (см. например: Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990, - С.291 - 293). С насекомыми связаны антропонимические и тотемические мифы алтайцев, манси, нганасан, орочей, эвенков, бурят и других народов Азии. У многих есть представления о том, что душа (не только человека, но и животного) может иметь форму или быть воплощена в насекомое. Отмечены случаи, когда именно так видят её шаманы во время своих обрядов. Да и сам шаман нередко превращается в насекомое. Орочи, например, знают несколько десятков энтомологических наименований. И их акцентированное внимание к этой части животного мира трудно отнести только на счет бытовых причин и обыденных наблюдений.

Известно, что для шаманистов весьма важна идея посредничества. Трудно найти в природе более подходящую к этой идее иллюстрацию: насекомые являются единственным классом живых существ, которые в процессе своей жизнедеятельности меняют среду обитания. А момент этого перехода связан с полным превращением. Насекомое фактически является живым посредником-медиатором между мирами, своеобразным драконом животного мира. А потому оно и помощник шамана, и сам шаман во время его путешествия. С этими качествами, по моему мнению связано присутствие насекомых в системе ранних представлениях о душе и рождении. Короны из силласких погребений наиболее полно иллюстрируют эти представления, являя собой хорошо сохранившийся культурный текст, требующий расшифровки. Такая расшифровка возможна благодаря тому, что древним корейцам в эпоху Силла еще мог быть вполне понятен смысл аналогии: **гокок - личинка - душа**, представления о которой зародились в неолитическую эпоху.

Опубликовано в: Major Issues in History of Korean Culture. Proceedings of the 3d International Conference on Korean Studies. - Moscow, 1997. - С.32-36.

См. также: Алкин С.В. Археологические свидетельства существования культа насекомых в неолите Северо-Восточной Азии // Древние культуры Северо-Востока Азии. Астроархеология. Палеоинформатика: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 134-143.